

Л. П. Водясова

**Эмотивная функция парцеллятов
в художественном тексте
(на материале произведений мордовских писателей)¹**

Аннотация. Предметом анализа в статье являются парцелляты – конструкции, расширяющие модель присоединяющего предложения и служащие его структурным продолжением и завершением. Цель работы – рассмотреть их эмотивную функцию на материале произведений мордовских писателей. *Реализация этой цели предполагает постановку и решение следующих задач:* 1) описать парцелляцию как один из видов присоединительной связи; 2) выявить сферу реализации парцеллятов; 3) определить смысловые связи парцеллятов с основным высказыванием; 4) выделить типы парцеллятов. Актуальность исследования определяется тем, что эмотивная функция парцеллятов никогда не становилась объектом исследования не только в мордовском, но и в целом финно-угорском языкознании. Настоящая статья является первым развернутым анализом данных конструкций и их эмотивной функции. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что парцелляты, являясь продуктом текста, реализуют текстовые потенции, принимая участие в реализации таких важных категорий, как континуум, проспекция, ретроспекция и цельность. В силу своей оторванности от исходного предложения – предыдущего компонента – они получают большую смысловую нагрузку, чем члены одного высказывания, что позволяет писателю придать особую эмоциональность и динамичность повествованию, передать тонкие смысловые и экспрессивные оттенки, логически выделить нужные по значению факты, события.

Ключевые слова: парцеллят, виды парцеллятов, эмотивная функция, семантико-коммуникативные возможности, союзные парцелляты, бессоюзные парцелляты.

L. P. Vodyasova

**The emotive function of the parcellates in artistic text
(on materials of the works of Mordovian writers)**

Abstract. The subjects of the analysis in the article are the parcellates – constructs extending a model of an attaching sentence. They are used for structural extension and ending of such sentences. The purpose of this work is learning of their emotive function on the material of the works of Mordovian writers.

The realization of this purpose goal involves formulation and solution of the following tasks: 1) to describe parcellation as one of the types of conjunctive link; 2) to identify the scope of the implementation of parcellates; 3) to determine the semantic relations of parcellates with the main sentence; 4) to identify types of parcellates. The relevance of the study is determined by the fact that emotive function of parcellates never been the object of study not only in Mordovian, but generally in Finno-Ugric linguistics. This article is the first detailed analysis of such constructs and their emotive function.

On the basis of the conducted research the author comes to the conclusion that parcellates, being products of the text, implement text potency, taking part in realization of such important categories as a continuum, prospection, retrospection and entirety.

Because of their detachment from the original sentence – the previous component – they get more semantic meaning than the parts of one sentence. It allows giving more distinctive emotionality and dynamism to the narrative, it also allows expressing subtle semantic and expressive nuances and logically to emphasize appropriate in meaning facts, events.

Key words: parcellate, types of parcellates, emotive function, semantic-communicative possibilities, conjunctive parcellates, non-conjunction parcellates.

¹Работа проводилась при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Эмотивность текста как отражение эмоционального мира человека и способы ее репрезентации в мордовских языках» (проект 15-14-13004).

Парцелляция (или присоединительная связь²) получила широкое распространение в разговорной речи, а оттуда проникла и в язык художественной литературы и в публицистику. Многие исследователи [1, 104–108; 2, 6–24; 3, 167–180; 4, 76–79; 5, 8–13; 6; 7, 2–26; 8, 3–195; 9, 14–46; 10, 13–53; 11, 56; 12, 108–109; 13, 89–96 и др.] отмечают ее большую роль в тексте. Парцелляция обычно имеет импровизационный характер и осуществляется в стилистических целях, чтобы усилить динамику повествования, ее эмоциональность.

Синсемантическая парцелляция не позволяет выступать им изолированно. Типичной сферой реализации является монологическая речь. Р. О. Зелепукин, исследовавший роль парцелляции в художественной прозе В. Токаревой, приходит к закономерному выводу о том, что парцеллированная конструкция «активно реализует текстообразующий потенциал, функциональное назначение которого состоит в подчеркивании на коммуникативно-синтаксическом уровне смысловых акцентов текста» [7, 7–8]. Ее присоединительный характер обнаруживается в контексте, представляющем собой соотнесенность сегментов текста с другими сегментами. Контекст может быть эксплицитным (выраженным вербально и невербально) и имплицитным (явно невыраженным). В зависимости от функций выделяются несколько типов вербального контекста: компенсирующий, идентифицирующий, разрешающий, помогающий. Невербализованными бывают как общие знания (пресуппозиции), так и операции над ними (когнитивные модели). Понимание имплицитного смысла достигается благодаря установлению логической связи именно между пресуппозициями и вербализованным продуктом речевой деятельности в контексте.

Парцелляция позволяет выделить ту или иную часть предложения в грамматически самостоятельную коммуникативную

единицу, подчеркнуть ее особую смысловую важность, актуализировать и повысить ее информативную емкость и выразительность, а также разгрузить смысловую и грамматическую структуру исходного предложения. А отчлененные конструкции – парцелляты – расширяют модель присоединяющего их предложения, служат ее структурным продолжением и завершением. Они предполагают более высокий, чем в предложении, уровень смысловых отношений и более высокий, чем при соединении и подчинении, уровень общения. Их широкие семантико-коммуникативные возможности объясняются предикативной значимостью. Каждая из парцеллированных конструкций обладает своей собственной предикативностью, дополняющей предикативность, заключенную в базовом предложении. Их использование в связном тексте устраняет наложение структур; они вносят лаконизм и смысловую емкость, позволяют сконцентрировать внимание читателя на самом важном в сообщении. При этом использование автором парцеллированных конструкций объясняется не только экономией речевых средств, не только повышением эмоциональности высказывания, но и средствами внутренней речи, характеризующейся расчлененностью подачи информации, отражающей фрагментарность мышления [6; 15; 16].

Смысловые связи парцеллятов с основным высказыванием – предыдущим ему компонентом ССЦ – очень разнообразны: одни из них содержат важные сведения, другие имеют характер дополнительных деталей, третьи усиливают или уточняют значение членов основного высказывания.

В художественных текстах встречаются разные виды парцеллятов – члены предложения, сочетания слов, а также целые предложения.

1. Функцию парцеллятов осуществляют отдельные слова – члены предложения:

– присоединяемое подлежащее: Сень

²Между парцелляцией и присоединением нет четкого разграничения. Парцелляция, выделенная из более широкой системы присоединения, не получила в лингвистике явно выраженных дифференцирующих признаков, что позволяет ряду синтаксистов считать эти явления тождественными (Н. С. Валгина, В. Г. Гак, Ю. А. Левицкий, Б. Т. Турсунов и др.). Разницу между ними, на наш взгляд, лучше всего сформулировала В. В. Бабайцева. При парцелляции, указывает она, «ослабляются синтаксические связи и отношения между парцеллятами и базовой частью высказывания, но качественно они не изменяются» [14, 126]. Автор относит присоединительные конструкции и парцелляты к синкретичным языковым явлениям. Нет четкой разницы.

- лангс апак вано, седе сырьсь валдо черь, одось – раужо, ялатеке эйсэст таго-мезе вейкетсти. Паряк, рунгонь сэ-рест эли молема лувост. Сеске мерят: неть ломантне вельть малавикст... [17, 6] «Несмотря на то, что пожилой со светлыми волосами, молодой – с черными, все равно их что-то объединяет. Может быть, рост или походка. Сразу скажешь, эти люди очень близки...»;
- присоединяемое сказуемое:
 - глагольное: ...сон [тетям] кеми монь лангс. Ды маняви... [18, 43] «...он [отец] надеется на меня. И ошибется <...>»;
 - неглагольное: Инязорось, куш лемдизь сонзэ «сэтьмекс», свал инязор. Прявт-ветиця, мода лангонь Паз [19, 7] «Царь, хоть и прозвали его "Тишайшим", всегда царь. Глава-ведущий, земной Бог»;
 - присоединяемое определение: Сергей Андреевичень ульнесь кемзисемге иесэ тейтерезэ, Лиза. Тейтерь ялганзо ютксо весемеде зряза, морыця ды киштиця [18, 36] «У Сергея Андреевича была семнадцатилетняя дочь, Лиза. Среди подруг самая бойкая, певунья и плясунья»;
 - присоединяемое дополнение: ...Ней мон мезескак а кеман. А Пазнэнь, а вазнэнь... [19, 247] «...Теперь я ничему не верю. Ни Богу, ни теляти...»;
 - присоединяемое обстоятельство:
 - места: ...нись кармасть лия цера марто усксевеме. Иганень истяшка позорось эзь кирдеве, сон тусь, кода кортыть, ков сельмензэ неить. Мاستоронть омбоце пев – Магнитогорскоев [20, 45] «...жена начала таскаться с другими мужчинами. Ига (Игнат) не смог выдержать этого позора, он уехал, как говорится, куда глаза глядят. На другой конец земли – в Магнитогорск»;
 - времени: Кода свал, те иестэнтъкак Нина пек учось кизэнтъ. Сыль кизэсь – авазо пурны Нинанень канстке ды ильтясы велев. Сексес [21, 70] «Как всегда, в этом году тоже Нина очень ждала лето. Приходило лето – мать соберет Нине узелок и проводит в деревню. До осени»;

- образа действия: Аштема ковсто ледсть тикше. Веленек [19, 155] «В июне косили сено. Всем селом»;
- причины: ...Дмитриев ансяк курго панжиксэль – сеске невтсть тензэ, косо тарказо ... стрелецтнэ утом удало мода лангсо локшосо варцкаизь. Варяв келензэ кисэ [19, 179] «...Дмитриев только хотел рот открыть – сразу показали, где его место ... стрельцы на земле за амбаром кнутами задрали. За дыривый язык»;
- цели: Петя салава тонгсь зепезэнзэ ведьгемень целковоеень конев. Ки лангс [21, 66] «Петя тайком сунул в его карман пятидесятирублевую бумажку. На дорогу»;
- меры, степени и количества: Ки лангов пурныть инязораванть ды эйкакшонзо. Царевнатненьгак сайсынъ. Колмонест [19, 306] «В дороге собери царицу и [ее] детей. И царевен возьму. Всех троих».

2. Присоединительную функцию осуществляют сочетания слов: ...Сон шкап енов мольсь, уголс стявтозь горобиинесь. Моргов лазсто чавнозь ды та-мекс велькстэме [22, 22] «...Он на шкаф был похож, поставленный в угол сундучок. Сбитый из сучковатых досок и почему-то без крышки».

3. Присоединительную функцию осуществляют целые предложения (простые или сложные): Эзия редяк, кода сутяминь ды неинь та-кодамо стака он. Прок китьбути мельган чийнесь, мон орголинь эйстэст [23, 81] «И не заметил, как задремал и увидел какой-то тяжелый сон. Будто за мной кто-то бегал, я убежал от них».

Как известно, все парцелляты подразделяются на два типа – союзные и бессоюзные.

В художественных текстах союзные конструкции менее распространены. Они образуются обычно путем соединения сочинительных или подчинительных союзов, а также некоторых частиц и местоименно-наречных слов, чаще всего в сочетании с союзом *ды* «и», который и придает связи характер присоединения, а вторая часть связующего элемента – местоимение, наречие, частица – служит показателем смысло-

вых отношений между исходным предложением и присоединением.

Парцелляты с сочинительными союзами ды «и» (чаще всего), или / эли, но более используемы. Сочинительный союз становится средством контекстуального присоединения (включения) авторского комментария, оценки, заключения, составляющих органическую часть повествования, особенно повествования с открытой авторской позицией: *мень лия часият вешнемс: вана сон, кедь маласот. Ды седейсэть [24, 32] «...что другое счастье искать: вот оно, в твоих руках. И в сердце»; Аргалеенть чирес промозь ушмостонтъкак састь церат. Нама, аволь ламо. Но истя жо эрва буень, эрва канонь [25, 77] «Из собравшегося на берегу Аргалея войска тоже пришли мужчины. Конечно, не много. Но также с каждого племени, с каждого рода»; ... Совась монь церанть марто. А-а, ськамонзо виздсь. Эли пельсь [26, 53] ... Зашла вместе с моим сыном. А-а, одна постеснялась. Или побоялась». К этой же группе примыкают и парцелляты с частицей натой «даже», которая по выражаемым отношениям близка к соединительному союзу ды «и»: Сон [Тикшай] эрзя, сынст Вельдеминова велень, ды секс, паряк, кидеяк эзь пеле. Натой архимандритнэдеяк! [19, 9]. «Он [Тикшай] эрзянин, с их села Вельдеминова, и поэтому, наверное, никого не боится. Даже архимандритов!».*

Присоединительное значение могут приобретать подчинительные союзы (буто «будто», бути «если», куш «хоть», прок «словно», «будто», теке «словно», «будто») и союзные местоименно-наречные слова (более употребительны кодамо «какой (-ая, -ое, -ие)», кона «который (-ая, -ое, -ые)», кода «как»). Особенностью таких конструкций является то, что характер присоединения они приобретают лишь в результате отрыва от главной части придаточной. Формальным показателем этого на письме является точка, обозначающая длительную паузу. Отделение придаточной части в самостоятельное высказывание используется как средство расчлененной подачи сообщения. Благодаря этому конструкция приобретает свойства информационно-коммуникативного характера. Подчини-

тельный союз или союзное слово, употребляемые в начале, делают ее более зависимой от предыдущей части сложного целого и в то же время подчеркивают ее относительную самостоятельность: *Олда нейгак ашти сельмень икеле: сэрей, лемзер сельме. Теке Вирява [19, 130] «Олда (Евдокия) и теперь стоит перед моими глазами: высокая, с черемуховыми глазами. Словно Вирява (мифологический персонаж, букв.: Женщина леса)»; Мон, нама, лаподинь козьяканти каршо: тонсь варштак эсеть лангс. Куш зеркаланть пачк [26, 54] «Я, естественно, брякнул жене: ты сама на себя посмотри. Хоть в зеркало»; Уды Марюша ды неи он. Буто сась мирдезэ [18, 41] «Спит Марюша и видит сон. Будто вернулся [ее] муж»; ... Чагаевень ули-паронть кандыть. Прок мекшть [27, 89] «...Добро Чагаевых несут. Словно пчелы»; [Марюша] ледстни тейтерькс шканзо. Кодамо аволь валдокс сон ульнесь. Лисят ялгат марто ульця юткс ды виздят невтемс прят, аштят косяк удало <...> [18, 39] «[Марюша] вспоминает свое девичество. Каким несветлым оно было. Выйдешь с друзьями на улицу и стесняешься показать себя, стоишь где-нибудь сзади <...>»; Пуре совавт! Конатанть улкоть ламбавтык [22, 5] «Пуре (хмельного кваса) занеси! Который на днях заквасил»; Зяроце чи уш пуви тарькс-виев варма. Понгат ки лангс – кискань таркас емат. Тундос а мутадызь. Бути лов потсто чинемесь улвот таргасы... [19, 318] «Сколько дней уже дует трескуче-сильный ветер. Попадешь на дорогу – пропадешь вместо собаки. До весны не найдут. Если только из-под снега куница труп твой вытащит...».*

Бессоюзные парцелляты в художественных текстах более употребительны, чем союзные. По своим функциям они делятся на следующие основные группы: 1) парцелляты, выполняющие роль членов, однородных с имеющимися в основном высказывании; 2) парцелляты, уточняющие или поясняющие члены основного высказывания; 3) парцелляты, распространяющие основное высказывание.

Среди парцеллятов, выполняющих роль членов, однородных с имеющимися в основном высказывании, чаще всего встре-

чаются конструкции, где присоединяются главные члены – предикативные единицы:

- подлежащее: Мон конинь сельмень. Апак учо ледствявь ошось, косо эринь, тонавтнинь, роботынь. Ледствявь пельс стувтозь вастнемат. Кодат-бути цецят, сынь аштеть ашо кев лангсо. Лей чире. Тейтерь. Театра. Кизэнь ве. Мейле всемесь таго емась [28, 151] «Я закрыл глаза. Неожиданно вспомнился город, где жил, учился, работал. Вспомнились полузабытые встречи. Какие-то цветы, они лежали на белом камне. Берег реки. Девушка. Театр. Летняя ночь. Потом все снова пропало»;
- сказуемое:
 - глагольное: ...велявтськак сон, Кузьма, кизэ малав – монастырьсь тензэ тевть мукшнось. Эзь нолда [24, 53] «...и вернулся он, Кузьма, к лету – монастырь ему дела находил. Не отпускал»;
 - неглагольное: А уш коцтось ульнесь – лопине. Валаня ды кеме [20, 5] «А уж ткань была – листочек. Гладкая и прочная».

Присоединение предикативных единиц свидетельствует о продолжении процесса мышления в речи. К основному предложению присоединяются фрагменты с ослабленной синтаксической связью, но с сохранением смысловых отношений.

Группа парцеллятов, связанных с основным высказыванием пояснительными отношениями, является одной из наиболее распространенных. Эти конструкции уточняют, поясняют, конкретизируют значения как главных, так и второстепенных членов исходного предложения. Передаваемые ими отношения довольно разнообразны и зависят от смысловых отношений парцеллятов с уточняемым словом: ...Те шкане церанть иляк токше: ськамонзо арси, истямо уш обуцязо. Валдо ды теке марто ачарькодевица [20, 68] «...В это время парня не трогай: в одиночестве размышляет, таков уж у него нрав. Светлый и в то же время непонятный»; Пожарось яла виензась, вармась-велиясь пани эйсэнзэ верев. Покш порядкаванть [27, 25] «Пожар все усиливался, ветер-ураган гонит его наверх. По большой улице»; Шта-толтнэ ченярдсть нузяксовсто, прок сыньгак

чарькодсть: визькс валдо гувкаемс, а лади. А ен [19, 304] «Свечи коптели лениво, словно и они понимали: стыдно огнем полыхать, не идет. Нехорошо»; Сонгак, Тикшай, мусь, кинь кирьгас поволемс ... Апак вечке [19, 240] «И он, Тикшай, нашел, на чью шею вешаться ... Не любя».

Парцелляты, распространяющие основное высказывание путем присоединения членов предложения, отсутствующих в нем, также достаточно распространены в художественных текстах. Естественно, что в своем составе они содержат лишь второстепенные члены. В конструкции происходит как бы разрыв возможных синтаксических сочетаний, в результате чего отчлененные элементы получают большую смысловую нагрузку, так как приобретают грамматическую самостоятельность. Они помогают автору выражать различные отношения:

- атрибутивные: Осянь авазо – сэтьме, свал мелявтозь ваньця авась – праздникентень паниль пачалгсеть. Суро ямксонь [20, 44] «Мать Оси (Осипа) – тихая, всегда с грустью смотрящая женщина – к празднику пекла блины. Из пшенной крупы»;
- объектные: ...Ансяк ведь Сатайкин кулось. Весеменень [29, 45] «...Только ведь Сатайкин умер. Для всех»;
- пространственные: Ломантне пурнасть эзь ютковаст ярмакт ды княгинякс апак тееве аванть калмонзо лангс путовтсть кшнинь крест. Чувтонсенть вакс [24, 44] «Люди собрали между собой деньги и на могилу не ставшей княгиней женщины велели поставить железный крест. Рядом с деревянным»;
- временные: Грузинский майсесь, майсесь горядонть да таго ков-бути ематотсь. Ламо иес [24, 44] «Грузинский маялся, маялся от горя и снова куда-то исчез. На много лет»;
- причинные: ...Кувать эзь нолда эйсэст, кудосонть ансяк ават ды сыре атя. Тандадсть [17, 216] «...Долго не впускали их, в доме только женщины и старик. Испугались»;
- целевые: Сэрей меште тейтересь кудозонзо [Иоаннонь] сонсь сакшнынль, апак терде. Пидеме-панеме [24, 41]

«Высогрудая девушка в его [Иоанна] дом сама приходила, незваная. Готовить (букв.: варить-печь)»;

– количественные: Аленка панжинзе сельмензэ ... Варштазь пертьпельга. Сон кудосо! Покштызо тосо, кошосо. Съкамонзо! [30, 17] «Аленка открыла глаза ... Огляделась вокруг. Она дома! Дедушка там, в лабазе. Один!»;

– определительно-обстоятельные: «Мон уш тунь стувтыя сонзэ, – арсезевсь Федосья Прокопьевна ледстыязь церадонтъ. – Кодамоль сон – сэрей, алкине, ашо прячерь эли, мекевланг, черензэ раужот?» Оймезэнзэ кадовсть ве сонзэ сельметне. Домка лисьмань кондят сынъ. Зярдэ куломс сы симемат, комат те лисьманть вельксэс – веденть тетъ а мейсэ таргамс. Те лисьманть кондямо вечкема вередемсь бояраванть мештескак. Ведрук, менелень лазныця пурьгине чирькекс [19, 248] «"Я уж совсем забыла его, – задумалась Федосья Прокопьевна о вспоминаемом парне. – Каким он был – высокий, низкорослый, беловолос или, напротив, его волосы черны?" В душе остались одни его глаза. На глубокий колодец похожи они. Когда до смерти захочешь пить, нагнешься над этим колодцем – воду тебе достать нечем. Похожая на этот колодец любовь и зародилась в груди боярыни. Сразу, небо раскалывающей радугой».

В парцеллятах возможно повторение второстепенного члена основного высказывания с целью сообщения ему дополнительной характеристики или расширения содержания. Этот повтор всегда эмоционален, он усиливает значение члена основной конструкции, актуализирует его семантику: Апак учо Аленкань пилес каятотсть ломанень кортамот. Сон кепедизе прянзо ды аволь ва-

соло несъ кавто церат ... Омбоцесь, конань кедьсэ ульнесъ узере, чарась-велясь икелензэ аштиця килеенть перька ды цяподизе. Самай се килеенть, конань лангс Аленкань покштызо теекшнесъ нурымкат, зярдэ сынъ, васенце классо тонавтнемстэ, Надежда Николаевна марто сакшность тей экскурсия! Се килеенть, конань алдо сексня кочкакшность пельпарго пангот! [30, 15] «Неожиданно до ушей Аленки раздались голоса. Она подняла голову и невдалеке увидела двоих мужчин ... Второй, у которого в руках был топор, крутился-вертелся перед стоящей перед ним березой и ударил ее. Именно ту березу, на которую Аленкин дедушка повесил качели, когда они, учась в первом классе, с Надеждой Николаевной пришли сюда на экскурсию! Ту березу, из-под которой осенью собрали половину лукошка грибов!».

Таким образом, парцелляты широко распространены в художественных текстах. Они реализуют текстовые потенции, принимая участие в реализации таких важных категорий, как информативность и модальность. Выступая в конвергенции (функции актуализации) с другими средствами экспрессии (неполными предложениями), данные конструкции реализуют категории континуума, проспекции, ретроспекции и цельности. В силу своей оторванности от исходного предложения – предыдущего компонента – они получают большую смысловую нагрузку, чем члены одного высказывания. Это позволяет придать особую эмоциональность повествованию, передать очень тонкие смысловые и экспрессивные оттенки, логически выделить нужные по значению факты, события. В наибольшей степени парцелляты свойственны речи взволнованной, эмоциональной, отчасти приподнятой, риторической.

Литература

1. Валитов, Г. Н. О присоединительных конструкциях в марийском языке [Текст] / Г. Н. Валитов // *Volgalaiskielet muutoksessa. Volgalaiskielten symposiumi Turussa*, 1–2 сент. 1993 г. – Turku, 1994. – С. 104–108.
2. Величук, А. П. О специфике присоединительной связи в современном русском языке (Сочинение и присоединение) : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А. П. Величук. – Тбилиси, 1961. – 25 с.
3. Водясова, Л. П. Сложное синтаксическое целое в современном эрзянском языке : дис. ... д-ра филол. наук. – Йошкар-Ола, 2002. – 350 с.

4. Водясова, Л. П. Лингвистические сигналы начала и конца сложного синтаксического целого в современном эрзянском языке [Текст] / Л. П. Водясова // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 3 (11). – С. 76–79.
5. Водясова, Л. П. Вводные конструкции как средство реализации связности текста в прозе К.Г. Абрамова // Вестник Угроведения. – 2014. – № 2 (17). – С. 8-13.
6. Водясова, Л. П. Парцеллят как средство связи компонентов сложного синтаксического целого в прозе К. Г. Абрамова [Электронный ресурс] / Л. П. Водясова // Филология и литературоведение. – 2014. – № 9. – Режим доступа : <http://philology.snauka.ru/2014/09/911> (дата обращения: 23.09.2014).
7. Зелепукин, Р. О. Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Р. О. Зелепукин. – М., 2007. – 26 с.
8. Князькин, Ю. П. Присоединительные конструкции в мордовских языках : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Ю. П. Князькин. – Саранск, 2005. – 195 с.
9. Реферовская, Е. А. Лингвистические исследования структуры текста [Текст] / Е. А. Реферовская. – М. : Наука, 1983. – 215 с.
10. Рогова, К. А. Синтаксические особенности публицистической речи [Текст] / К. А. Рогова. – Л. : Изд-во Ленинград ун-та, 1975. – 72 с.
11. Рогожникова, Р. П. Сложное синтаксическое целое: Его структура и типы [Текст] / Р. П. Рогожникова // Русский язык в национальной школе. – 1973. – № 1. – С. 53–57.
12. Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика [Текст] / Г. Я. Солганик. – М. : Высш. шк., 1973. – 216 с.
13. Торжок, А. Г. Грамматико-смысловые отношения между компонентами сложных синтаксических единств с глаголами-коррелятами типа mean, say, think [Текст] / А. Г. Торжок // Лексическая и синтаксическая семантика : межвуз. сб. науч. тр. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1989. – С. 89–96.
14. Бабайцева, В. В. Система членов предложения в современном русском языке : монография [Текст] / В. В. Бабайцева. – М. : Флинта; Наука, 2011. – 496 с.
15. Водясова, Л. П. Функции эмотивных междометий в художественном тексте [Текст] / Л. П. Водясова, А. А. Учеваткин // Вестник угроведения. – 2011. – № 3 (6). – С. 16–20.
16. Водясова, Л. П. Структура и функциональная направленность сложного синтаксического целого с номинативным зачином в прозе К. Г. Абрамова [Текст] / Л. П. Водясова // Гуманитарные науки и образование. – 2014. – № 3 (19). – С. 111–113.
17. Абрамов, К. Г. Олячинть кисэ: Степан Разинэнь шкадо евтнема = За волю: сказание о временах Степана Разина [Текст] / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1989. – 416 с.
18. Абрамов, К. Г. Исяк якинъ Найманов = Вчера ходил в Найманы: роман [Текст] / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1987. – 318 с.
19. Доронин, А. М. Баягань сулейть = Тени колоколов: роман [Текст] / А. М. Доронин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1996. – 480 с.
20. Сятко [Текст] // Лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1992. – № 2–3. – 96 с.
21. Сятко [Текст] // Лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1987. – № 5. – 80 с.
22. Сятко [Текст] // Лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1999. – № 6. – 144 с.
23. Сятко [Текст] // Лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1995. – № 12. – 144 с.
24. Сятко [Текст] // Лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1995. – № 5. – 144 с.
25. Брыжинский, М. И. Половт = Половодье: повесть [Текст] / М. И. Брыжинский. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1983. – 148 с.
26. Сятко [Текст] // Лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 2000. – № 4. – 144 с.
27. Сятко [Текст] // Лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1996. – № 7. – 144 с.
28. Абрамов, К. Г. Комолявка = Хмелинка: рассказы [Текст] / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1962. – 98 с.
29. Сятко [Текст] // Лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1989. – № 5. – 96 с.
30. Разгуляева, Т. Певердезь човалят = Рассыпанный бисер: рассказы, новеллы, басни в прозе [Текст] / Т. Разгуляева. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2008. – 80 с.

References

1. Valitov G. N. *O prisoeidinitel'nykh konstruktsiyakh v marijskom yazyke* [About conjunctive constructs in the Mari language]. *Volgalaiskielet muutoksessa. Volgalaiskielten symposiumi Turussa*. Turku, 1994, pp. 104–108.

2. Velichuk A. P. *O spetsifike prisoedinitel'noj svyazi v sovremennom russkom yazyke (Sochinenie i prisoedinenie)* [About specifics conjunctive connection in modern Russian language (coordination and conjunction)]. Tbilisi, 1961. 25 p.
3. Vodyasova L. P. *Slozhnoe sintaksicheskoe tseloe v sovremennom ehrzyanskom yazyke* [The complex syntax whole in modern Erzya language]. Yoshkar-Ola, 2002. 350 p.
4. Vodyasova L. P. *Lingvisticheskie signaly nachala i kontsa slozhnogo sintaksicheskogo tselogo v sovremennom ehrzyanskom yazyke* [Linguistic signals of the beginning and the end of the complex syntax whole in modern Erzya language]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The humanities and education], 2012, no. 3(11), pp. 76–79.
5. Vodyasova L. P. *Vvodnye konstruksii kak sredstvo realizatsii svyaznosti teksta v proze K.G. Abramova* [Parenthetical constructs as means of realization of the text coherence in the prose of K.G. Abramov]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2014, no. 2(17), pp. 8–13.
6. Vodyasova L. P. *Partsellyat kak sredstvo svyazi komponentov slozhnogo sintaksicheskogo tselogo v proze K.G. Abramova* [Parcellate as a mean of components connection of the complex syntax in the prose of K.G. Abramov]. Available at: <http://philology.snauka.ru/2014/09/911> (accessed September 23, 2014).
7. Zelepukin R. O. *Partsellyatsiya v khudozhestvennoj proze V. Tokarevoj: struktura, semantika, tekstoobrazuyushhie funktsii* [The parcellation in fiction of V. Tokareva: structure, semantics, and text-formation functions]. Moscow, 2007. 26 p.
8. Knyazykin Yu. P. *Prisoedinitel'nye konstruksii v mordovskikh yazykakh* [The conjunctive constructs in Mordovian languages]. Saransk, 2005. 195 p.
9. Referovskaya E. A. *Lingvisticheskie issledovaniya struktury teksta* [Linguistic researches of the text's structure]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 215 p.
10. Rogova K. A. *Sintaksicheskie osobennosti publitsisticheskoy rechi* [Syntactic features of the publicist speech]. Leningrad: Izd-vo Leningrad. un-ta. Publ., 1975. 72 p.
11. Rogozhnikova R. P. *Slozhnoe sintaksicheskoe tseloe: Ego struktura i tipy* [The complex syntax whole integer: its structure and types]. *Russkij yazyk v natsional'noj shkole* [Russian language in the national school], 1973, no. 1, pp. 53–57.
12. Solganik G. Ya. *Sintaksicheskaya stilistika* [Syntactical stylistics]. Moscow: Vyssh. Shk. Publ., 1973. 216 p.
13. Torzhok A. G. *Grammatiko-smyslovye otnosheniya mezhdru komponentami slozhnykh sintaksicheskikh edinstv s glagolami-korrelyatami tipa mean, say, think* [Grammatical and semantic relations between the components of the complex syntactic unities with verbs of correlate like as mean, say, think]. *Leksicheskaya i sintaksicheskaya semantika: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Lexical and syntactic semantics: inter-university collection of scientific works], 1989, pp. 89–96.
14. Babaytseva V. V. *Sistema chlenov predlozheniya v sovremennom russkom yazyke: monografiya* [The system of parts of a sentence in modern Russian language: the monograph]. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2011. 496 p.
15. Vodyasova L. P., Uhcevatkin A. A. *Funktsii ehmotivnykh mezhdometij v khudozhestvennom tekste* [Functions of emotive interjections in the literary text]. // *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], 2011, no. 3(6), pp. 16–20.
16. Vodyasova L. P. *Struktura i funktsional'naya napravlenost' slozhnogo sintaksicheskogo tselogo s nominativnym zachinom v proze K. G. Abramova* [Structure and functional orientation of the complex syntax whole with the nominative introduction in the prose of K.G. Abramov]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The humanities and education], 2014, no. 3(19), pp. 111–113.
17. Abramov K. G. *Olyachint' kiseh: Stepan Razinehn' shkado yevtnema = Za volyu: skazanie o vremenakh Stepana Razina* [Olyachint kise: Stepan Razin shkado yevtnema = For freedom: the legend about the times of Stepan Razin]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1989. 416 p.
18. Abramov K. G. *Isyak yakin' Najmanov = Vchera khodil v Najmany: roman* [Isyak yakin Naymanov = Yesterday I went to Naimany: the novel]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1987. 318 p.
19. Doronin A. M. *Bayagan' sulejt' = Teni kolokolov: roman* [Bayagan suleyt = the shadows of the bells: the novel]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1996. 480 p.
20. *Syatko: lit.-khudozh. i obshhestv.-polit. zhurn.* [Syatko: literary-artistic and social-political journal]. 1992, no. 2-3, 96 p.
21. *Syatko: lit.-khudozh. i obshhestv.-polit. zhurn.* [Syatko: literary-artistic and social-political journal]. 1987, no. 5, 80 p.
22. *Syatko: lit.-khudozh. i obshhestv.-polit. Zhurn.* [Syatko: literary-artistic and social-political journal]. 1999, no. 6, 144 p.

23. *Syatko: lit.-khudozh. i obshhestv.-polit. Zhurn.* [Syatko: literary-artistic and social-political journal]. 1995, no. 12, 144 p.
24. *Syatko: lit.-khudozh. i obshhestv.-polit. Zhurn.* [Syatko: literary-artistic and social-political journal]. 1995, no. 5, 144 p.
25. *Bryzhinskij M. I. Polovt = Polovod'e: povest'* [Polovt = The flood: the story]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1983. 148 p.
26. *Syatko: lit.-khudozh. i obshhestv.-polit. Zhurn.* [Syatko: literary-artistic and social-political journal]. 2000, no. 4, 144 p.
27. *Syatko: lit.-khudozh. i obshhestv.-polit. Zhurn.* [Syatko: literary-artistic and social-political journal]. 1996, no. 7, 144 p.
28. Abramov K. G. *Komolyavka = Khmelinka: rasskazy* [Komolyavka = The hop: stories]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1962. 98 p.
29. *Syatko: lit.-khudozh. i obshhestv.-polit. Zhurn.* [Syatko: literary-artistic and social-political journal]. 1989, no. 5, 96 p.
30. Razgulyaeva T. *Peverdez' chovalyat = Rassypannyj biser: rasskazy, novelly, basni v proze* [Peverdez chovalyat = Scattered beads: stories, novellas, stories, fables in prose]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 2008. 80 p.